

ДЕКАБРЬ

[Декабрь 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.

Голубчик Борюшка,
спасибо за письмо. Володю тоже благодарю за хорошее и длинное письмо. Поцелуй крепко маму за передник - он пришёл кстати, пришлось только укоротить его и сузить обшлага рукавов - а так он очень хорош. Посылаю Тебе ещё рисунок другого угла мастерской. Из эскизов могу назвать Тебе: «Святыня», «Священный Огонь» и «Чехарда» (славянск. деревня), и «Облачные девы», «Ярило» (восход солнца), и «Засада» (Скифы), и «Предательница» (женщина впускает врагов в город ночью), и «Победители» (татары после битвы при Калке пируют на телах русских князей), «Тогда.» (из монастырской жизни), «Сборы» (красят ладьи перед походом), и «Заповедные хороводы» (славянские девушки ранним утром на свящ. холме), «Трубный звук» (передача красками грохочущих трубных фанфаров), «Охота», «Мёртвый царь» (Скифы носят мертвого царя по городам его).

Есть и ещё эскизы, но на первый раз довольно. Никому, пожалуйста, этих тем не рассказывай (только маме можно).

Удивляюсь почему Фролов не передал путеводителей, у него их два или 3 (если не 4). Их вместе лежавшими на моём шкафу надо отнести Селиванову (Шпалерная, 26), а те на которых написано Гинзбург - Гинцбургу в Академию (мастерская в нижнем этаже, первая от ворот против Соловьева сада). Фрак дошёл хорошо, взяли за него 5 франков. Последние дни как-то нездоровилось мне, болела голова и кашель был - видно простудился, но теперь лучше, хотя ещё не совсем. Вчера был здесь первый мороз - градуса 2-3. Пиши мне чаще, как и что у Вас. Смотри не забудь маму-то хорошенько поцеловать - она ведь добрая; хоть Лиля у нас что-то пугливая да сердитая - уж такой у нас механизм. И Володя пускай пишет. Лосские обо мне заботятся. Об Еф. Ив. ни слуху ни духу.

Пускай Фролов мне напишет, по какому адресу писать ему.

Если придёт тетя Юля, то не забудь попросить её достать из Риги наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый); мне кажется удастся здесь узнать некоторые подробности, ибо герб, кажется, IX или X века.

Отдел рукописей ГТГ ф. 44/140, 3 л.

«Если придёт тётя Юля, то не забудь попросить её достать из Риги наш герб (просто сургучный оттиск, но отчётливый)...»

Сургучный оттиск (ОР ГТГ, ф. 44/1850.)

Герб рода Рерихов.

Н.К. Рерих. **Герб.** Бумага, тушь, перо. 24 x 30 см.
(Государственная Третьяковская галерея, Арх. Гр-2382).

ХРОНИКА

*2 / 15 декабря 1900 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха в редакцию «России».*

Письма в редакцию

Не откажите дать место следующему письму на страницах уважаемой газеты вашей (письму, быть может, несколько запоздавшему, но заграничные переезды не позволяли мне находиться в курсе наших художественных дел).

В Париже до меня дошли странные известия. Г[н] Дягилев в журнале «Мир искусства», позволил себе выходку против меня, похожую на клевету. Он пишет: «Рерих, эта "ласковая тёлка" не двух, а целых трёх маток сосёт. Доныне его две матки кормили, Общество поощрения художеств и г. Стасов, теперь же он ухватился и за г. Стороннего».

Я бы желал знать, чем могло Общество поощрения художеств «кормить» меня? Факт моих отношений к Обществу таков: первоначально я был при Обществе помощником секретаря, а потом, согласно желанию Д. В. Григоровича, помощником директора музея, причём, при вступлении в эту должность, не желая придавать своему служению в Обществе какого-либо корыстного характера, я отказался от вознаграждения. Быть может, мною руководил в данном случае также инстинкт самосохранения против разных инсинуаторов; этот инстинкт, оказывается, не обманул меня, ибо теперь я имею хоть эту возможность — издали ответить изветам людей, избравших своею специальностью бросать грязью во всё, что не подходит под их мерку.

Допустив в своём журнале «Мир искусства» приведённую сейчас инсинуацию, г. Дягилев всё же посылает мне, как участнику выставки, устраиваемой журналом «Мир искусства», полученное мною на днях уведомление о приёме картин и времени выставки. Представляя себе комичное изображение, как «ласковая тёлка» несёт свои картины на выставку «Мира искусства», — я не мог не смеяться.

Относительно гг. В. В. Стасова и Стороннего не считаю нужным давать какие бы то ни было объяснения: наши отношения основаны всецело на почве идей и любви к искусству, - так что г. Дягилеву этого всё равно не понять.

Художник Н. К. Рерих

Париж, 12-го (25-го) ноября 1900 г.

Россия. 1900. 2/15 декабря. № 578. Суббота. С.3-4.

*3/16 декабря 1900 г.
Письмо С.П.Дягилева в редакцию «России».*

Письма в редакцию

М[илостивый] гсударь], господин] редактор!

В № 578 вашей газеты художник Рёрих обвиняет меня за «выходку» против него, допущенную в журнале «Мир искусства». Прежде всего, в письме г. Рериха два неверных сообщения: первое — *я никаких заметок против него не писал*, и второе — *я никаких приглашений ему не посылал*.

Приглашение было послано ему, как и другим художникам, выставочным комитетом, на основании постановления общего собрания участников выставок «Мира искусства».

Что же касается до указываемой г. Рерихом статьи, за подписью «Силэн», то она была написана одним из сотрудников «Мира искусства», и, следовательно, я могу говорить о ней лишь в качестве редактора, ответственного за всё, что печатается в журнале. Г[-н] Рёрих отлично знает, что означенная статья не имеет никакого отношения ни к «корыстному характеру» его «служения в Обществе», ни к его «отказам от вознаграждений». Уже и раньше тот же «Силэн» утверждал, что г. Рёрих «вырос на молоке Стасова и Селиванова»; в означенной же статье он смеялся над г. Рерихом именно потому, что этот «начинающий передовой» художник сразу встал, по его же словам, «*в отношении, основанные на почве идеи и любви к искусству*», с гг. Стасовым, Сторонним и, прибавим, Селивановым (Старовером), а также принял столь живое участие в «передовом» журнале г. Собка.

Примите и пр.

Сергей Дягилев

Россия. 1900. 3/16 декабря. № 579.

*3 / [16] декабря 1900 г . Париж.
Письмо Н.К. Рериха — Шапошниковой Екатерине Васильевне.*

Глубокоуважаемая, добрая и хорошая Екатерина Васильевна.

Простите, ради Бога, за мою глупую посылку письма дурацкого. Я, право, не думал, что оно произведёт такое впечатление, а просто мною руководило такое же чувство как и при всём, когда хочется, чтобы Ладушка была в курсе всего, что со мною происходит. Ведь она у меня одна на свете и, кажется, я не способен ничто так хорошо и свято любить, как её.

Вы, конечно, понимаете как тяжело мне, когда вдруг негаданно и незаслуженно началось на меня какое-то гонение в СПб. - гонение по всем пунктам. Теперь необходима стойкость и упорство, ну да не перейду в область химер.

Если бы вы знали, как мне скучно без Ладушки; ведь никогда я один не жил, а тут ещё одиночество вместе с оторванностью от самого дорого. В спи-

ритизме и гипнотизме я ищу лишнего средства услышать что-либо о Ладушке. А она мне последнее время пишет очень худые письма, то на 2-х стран., то после 2-х недель на 1 ½ стран. - ведь это даже обидно. Милая Екатерина Васильевна, скажите ей, чтобы она мне хорошее письмо написала.

Мои уже около 3-х недель мне не пишут — после присылки согласия, и добрая Евг[ения] Конст[антиновна] Лосская очень возмущается за меня, ибо не находит ровно ничего плохого в моих поступках. Как жалко, что эта записка не может сейчас же попасть в Ваши руки.

Ваше письмо получено Воскресеньем 3 Декабря, каким образом именно в Воскресенье утром я получил его. Надеюсь, что к именинам получу письмо от Ладушки. Господи, как жду-то я писем от неё! Спасибо за поздравление - вспомнит ли Ладушка в Среду обо мне? Пожалейте меня. Работаю сильно и нехудо, но душевного спокойствия ни на минуту.

Искренно люблю Вас и почитаю.

Н. Рерих.

Воскресенье 3 Декабря.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/470, 2 л.

[3/16 декабря 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, только что отправил Тебе при письме к Екатерине Вас. записочку, как получаю Твоё письмецо, т. е. только написанное Тобою, а мысли-то чьи-то чужие. Ты пишешь, живут же люди на 3000; конечно, живут, но можешь ли Ты подвергнуть себя лишениям, сопряжённым с этим. Ведь не могу же я приставить Тебя к плите и заставить закупать провизию, как это делается в средних франц. семьях. А насколько мала сумма 2000, Ты увидишь из моих расходов за прошлый месяц.

Квартира	91.	Итого 412 из 440
За материалы	60.	получаемых – ничего
За раму	30.	на одежду, ничего
Натура	18.	на удовольствия и
Прислуга	20.	нисколько на сладкое
Обеды	105.	
Отопл. освещ.	35.	
прачка, молоко.		
утрен. закуп.	53	

Ведь при такой жизни Ты после нескольких месяцев возненавидишь меня! Ты говоришь - «подходящее» место, да кто же найдёт мне его; все замолчали, все Свиныны и прочие попрятались в норы, как только нельзя стало надувать меня и бесконечно тянуть за нос обещаниями. Остается одно - «ждать». Зову я Тебя в Париж, ибо слишком хочется повидать Тебя и ознакомить с условиями жизни. Ты говоришь: «ждать, разойтись или венчаться», и *разойтись* ставишь на ряду и даже в середине между благополучными решениями. Кто расходится? – те кто сходились по рассудку, а ведь у нас же не было этого, я верю, что

не было. Что же будет, если мы разойдёмся? Ты выйдешь за другого? Ну что ж, выходи, коли можешь, а я буду знать, что с женщинами не стоит обращаться хорошо и душевно, и авось будет время, когда я буду в состоянии их третировать, покупая и унижая их за плату. Если невозможно очень хорошее, пусть будет очень худое. Прости меня, но в Твоих предположениях: или венчаться, или разойтись, я чувствую слова Екатерины Васильевны: «Что же это за бесконечная канитель». Так говорят только отводящие слишком большое значение брака, не понимающие великого значения женщины и вне узкобрачных отношений. Ты мне писала про какой-то Твой план, не совпадающий с моими; какой это план? в чём он состоит? чего касается? Напиши.

Теперь здесь очень холодно, всё морозы и на душе у меня тоже неуютно и иногда после дня работы ложишься в постель и думаешь: «Для чего всё это я делаю? Кому это нужно? Разве так это необходимо? И чувствую, что в СПб. я лишний человек и там меня уже забыли...

Ты и это скажешь: химеры! За последние дни что-то я очень чувствую усталость и осунулся здорово, и нет во мне равновесия, всё время что-то дрожит во мне... Не знаю, когда лопнет...»

Крепко целую Тебя

Н.Р.

Только что хотел отправить Тебе это письмо, как получил Твоё хорошее. Посылаю это лишь в иллюстрацию моего настроения после Твоего скверного послания. Будь покойна Ладушка, мы не должны сомневаться в обоюдном чувстве. Еще крепче целую Тебя. Что Степа? князь и все.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/186, 2 л.

[3 / 16 декабря 1900 г. Париж].

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Милая Ладушка, сейчас усыплённая барышня рассказывала, посланная в Вашу квартиру, что в воскресенье вечером около 12 часов видела, что у Вас 3 гостей, одна дама и два господина (из них один офицер, стриженный бобриком), а Ты вышла из столовой и наигрываешь, не играешь, а наигрываешь, кажется что-то из Шопена. Тебе скучно. Она описала, верно, Твою наружность. За самоваром полная дама. Через год она видела меня женатым в Париже. Жена стройная, глаза красивые, ласковая.

Если подробности воскресенья верны – напиши.

Сказала, что сегодня или завтра утром получу письмо от Тебя. Она ни о Тебе, ни карточки не знала.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/216, 1 л.

3-4 декабря 1900 г. [Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Зарубин прислал мне хорошие слова Куинджи обо мне, так что если возможно было сделать, о чём я писал Тебе раньше, то результат был бы самый превосходный. С 26 Ноября прекратили почему-то высылать мне газету. Не знаю, почему Буренин ни помещает моего фельетона, ни присылает отказа. Вчера послал Косоротову статейку об искусстве, чтобы он поместил в Н. Вр., ибо это ответ на его заметку от 25 Нояб. Не придумаю, отчего до сих пор не было моего письма в Редакцию в России? На днях послал Зарубину для прочтения на Куинджистской Среде комичное послание о том: «Како являлся бес иноку Николае и сей иннок беса изгнал». Все эти вещи написаны по вечерам. В театры почти не хожу, разве с Люсей, а то одному и идти-то не хочется. Вот если бы с Тобою – это бы иное дело! Если Тебе придётся читать то или иное в Нов. Вр. или в России что-либо моё – то черкни впечатление.

Ой, как хочется целовать Тебя.

Воскресенье 3 Декабря.

Понедельник. Утро. Сейчас получил письмо Твоё.

Ладушка, смилуйся! Слёзно молю.

Разве мог я ожидать такого результата от посылки этого дурацкого письма болвана Курбатова? Или уже я настолько привык к сплетням, что они заставляют меня лишь горько улыбнуться, но боли уже не вызывают. Если бы знала, сколько всяких сплетен я получаю здесь, то Ты не только бы не огорчилась, но лишь пожалела Майчика, в которого, как в помойную яму сыпают всякие гадости. Ну, буду теперь накрепко законопачивать их в себе, может быть, место найдётся, но если что-либо особенно гадкое пишут и это вспучит, то... ну да Бог с ним.

Милая, пощади, пожалей меня. Ты вот никогда не была выбрасываема в чужое общество, на чужие люди – и многое Тебе не может быть понятно.

Ужасно рад за музыку; Ты будешь у меня артисткой – верно говорю, будешь. Если мои слабые уговоры не действовали, то слава Богу, хоть профессорские голоса зазвучали.

Более не буду давать усыплять себя, хотя мне слишком приятно хоть этим способом иметь общение с Тобою. Вчера вечером от Лосских я отправил Тебе записку с описанием того, что было у Вас вчера в Воскр. вечером – рассказанного усыпленной барышней. Я думаю, что это был не офицер, а Стёпа. Особенно меня тронуло, когда она, не зная Тебя, вдруг описала наружность Твою и сказала не играет, а наигрывает на рояле, кажется, что-то из Шопена и ей скучно, очень скучно. Непременно напиши, было ли это. Время – около 12 или немного позднее. Я чуть не плакал. Лосские, которые видали Твою карточку, просто ахнули, ибо барышня никак не могла знать Тебя. Говорит: «Глаза очень большие, какие красивые глаза».

Милая, родная прости меня; я готов хоть морфий принимать, лишь бы иметь общение с Тобою. Хоть из христианства напиши хорошее письмо. Неужели и Стёпа не понял посылки? Поклон ему и Ек. Вас.

Какие печальные именины будут мои.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/217, 3 л.

[4/17 декабря 1900 г. Париж]

Понедельник. 5 час. веч.

Ладушка, моя хорошая – сегодняшней день почему-то тянется нескончаемо. Не могу разобрать предчувствие ли это или боль сознания, что нежданно причинил неприятность самому дорогому для меня человеку. Просто убило меня письмо Твоё. Я думал, Ты пожалеешь меня и со злобой на пакостных людей изорвёшь посылку, а на деле-то получилось совсем иначе – гораздо хуже. Только не сердись на меня, ведь и Ты последнее время обижала меня и за 2 ½ недели прислала всего 3 ½ стран. писем.

Как же я рад за музыку Твою! - и сказать не могу, как рад, и, поверь, сделаю всё, что возможно для Твоей музыки; наконец-то Ты понимаешь, что в Тебе есть особая музыкальность, есть творчество в передаче и в этом роде творчества непременно надо быть женщиной.

Творчество в передаче музыкальное куда выше стоит, нежели творчество в передаче живописное и литературное. Воспроизвести музыкальную вещь - это не то, что сделать копию картины. Ведь пойми же Ты, какое великое счастье творить вместе на разных поприщах. Самые счастливые связи бывают именно между художниками разных искусств – возьми Тургенева и Виардо и такими примерами хоть всю страницу покрывай. Насколько несчастливы сочетания художников одного искусства, настолько счастливы соединения творцов в разных областях, которые вдохновляют друг друга.

Сейчас у меня даже была написана телеграмма такого содержания: «умоляю не сердиться, вышло нечаянно, жду известий»; и хотел уже отправить, но теперь 5 часов и она дошла бы после полночи. Проклятые письма, идут так долго – просто невыносимо. Ладушка, надо скорей начинать совместную работу.

Неужели будешь мстить мне тем, что не сделаешь моей просьбы о Куинджи?

Неужели Ты жалеешь, что послала карточки? – ведь они у меня самое дорогое, и надо быть очень злой, чтобы жалеть, что не всё от меня отнято. Поцелуй меня и прости.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/215, 2 л.

[7-8/ 20-21 декабря 1900 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Четверг. Утро.

Сейчас получил письмо Твоё и не могу не писать сейчас же. Письмо Твоё имеет вид хорошего платья, пропитанного сквернейшими духами. Искренняя весёлость на балах, ухаживанья Молво и пр. (у нас в гимназии был Молво – не тот ли это; тот был негодяй.) Наконец, признание о невозможности сделаться артисткой, вследствие выездов – разве это не сквернейшие духи?

Если бы ни просьбы хоть немного любимого человека, (коим я всё-таки ещё надеялся считать себя), ни советы профессоров, не могут повернуть Тебя к искусству, значит, в Тебе нет любви к нему, значит, всё было случайное, а в

натуре-то лежали выезды и объяснения в любви господ, даже имя которых неизвестно. Ой, как всё это больно, ой, как всё это тяжело.

Ведь, пожалуй, Тебе и всегда потребуются выезды и балы, а жизнь интересами искусства покажется Тебе очень серой, да уж и теперь она Тебе такой, пожалуй, кажется, ибо после 1 ½ недель написать 3 страницы только о балах – показывает, что жизнь занята единственно ими.

Ты требуешь, чтобы я не писал Тебе ни о музыке, ни о прилежных работников, не делился с Тобою получаемыми известиями – обо всём этом нельзя писать, а о моих работах Тебе настолько не интересно слушать и знать, что Ты о них даже и не заикаешься. Ещё ни одно письмо Твоё не было столь пустым, как это; ещё ни одно письмо не убивало меня настолько. Ты ведь достаточно знаешь, что на Тебе сосредоточивается всё хорошее моё и вдруг почвы не оказывается, вместо суглинка, оказывается супесок, для которого требуется иная растительность.

Неужели Михаил Иванович был прав, говоря, что Ты со мною лишь забавлялась, а натура-то у Тебя совсем иная. Я не хочу верить этому, а Ты такое убеждение навязываешь каждой строчкой письма Твоего.

Ты словно рада, что избавилась от моего присутствия, чтобы дать волю натуре своей.

Ведь пойми же, как все Твои выезды и визиты бывших конногвардейцев мелки с жизнью действительною. Прочитай, (если не разучилась читать), в Мире Божьем «Воскресшие Боги» Мережковского. Почему это какому-то Добржинскому можно играть прелюдии, а я так всегда был недостойн их слушать. На некоторые вопросы моих писем Ты, конечно, не отвечаешь, ибо и письма-то мои чего доброго за выездами читать некогда. Мне очень не нравятся замечания о Люси Лосской, ибо, если бы знала, как она заочно расположена к Тебе, - Ты бы не стала иронизировать. Неужели и Стёпа ничего не говорит Тебе о Твоей жизни?

О моём здоровье и работах ведь писать не стоит, Тебе это вовсе не интересно, ибо в них ни балы, ни выезды, ни же объяснения в любви – не играют роли совершенно. Мне хочется бежать – бежать, не знаю куда, чтобы жить хоть иллюзиями. Неужели мои требования к жизни настолько нереальны? Неужели к женщинам нельзя относиться серьёзно и хорошо?

Пятница.

Милая Ладушка.

Вчера прихожу к Лосским. «Не хотите ли послать что-либо в СПб. с верной оказией? – Позднеев (их родственник, бывший здесь проездом из Пекина) едет в Субботу», - встречает меня Евгения Константиновна. Я сейчас же побежал покупать и устроил посылочку, которую Ты скоро получишь. Пряжка эта совсем нового рисунка; правда в ней есть нечто древнее. Эта модель только что получена. Затем застёжка на юбку сзади и застёжка для волос на затылке – здесь все такие носят. Обе эти застёжки – змии; помнишь?

Екатерине Васильевне посылаю книжечку для визитных карточек. К празднику мне хотелось бы написать письмо князю; *научи*, будет ли это удобно, или просто карточку послать?

Барышня, кот. рассказывала во сне про Тебя, уехала из Парижа и теперь мне не у кого спросить и узнать в каком Ты настроении, ибо себя усыплять я не даю, как Ты просила. Неужели всё ещё гневаешься? и упиваешься местью за

неправильно понятый поступок?

Читали ли моё письмо в России и ответ Дягилева; я рад, что он не сумел лучше написать его и не припомнил своё посещение мастерской моей. Получаю письма от Зарубина, Рылова, Косоротова, из которых вижу, что в дружинах наших царит смятение и вялость. Да, надо выжить, иначе ничего не поделаешь. Уже можно поздравить со здешним Рождеством, с праздником. Вот-то скучно будет мне встречать его.

Поцелуй Ек. Вас.

Твой бедный
Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/230, 4 (+1) л.

[10/23 декабря 1900]

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка, скоро, вероятно, я получу от Тебя письмо следующего содержания: «Майчик, не только не пиши мне про музыку и про прилежных работниц, но наоборот, изволь писать, что самое что ни есть лучшее – это балы и разговоры с кавалерами», - и такого письма я уже ни за что писать не стану. Твоё вчерашнее письмо меня сильно огорчило. Неужели и Ты не лучше тех десятков тысяч красивеньких и славненьких барышень, разноцветными бабочками летящих по паркету? Неужели так легко Тебя можно отбить от правой дороги? Неужели только там, где шум и гам, и свет, и глупая болтовня, неужели только там и хорошо? Хорошо до такой степени, что можно наглухо забыть любящего человека, который только и живёт этой любовью. Ведь для более сердечного письма не требуется часа; чтобы написать 4 странички надо не более 20 мин. и неужели и их так трудно уделить далёкому Изгою. Теперь я не сомневаюсь, что мою просьбу о Куинджи Ты, конечно, не исполнишь. Ты скажешь: Майчик, не стоит для Тебя этого делать; что мне любовь твоя, она где-то глубоко, а кругом и поверх её, смотри, сколько блестящего и гремящего и сверкающего.

Вот это жизнь, это радость; когда меня превозносят на балах это фактический триумф, а не химерный, далёкий, которыми живёшь Ты».

Ведь Ты мне не писала 2 недели, а потом 1 ¼ стран. Посланные Тебе вырезки писем и ещё кое-какие мои фразы, неужели не вызвали в Тебе более тёплого слова? О моей текущей жизни Тебе, вероятно, не интересно знать.

Екат. Вас. поцелуй; низенько ей кланяюсь.

Это письмо и конверт я писал 18 минут.

Отдел рукописей ГТГ, 44/231, 2 л.

[23 ст.ст.] декабря 1900 г. Париж
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.)

Поздравляю с Рождеством

Суббота

Дорогой мой Борюшка.

Огромное спасибо Тебе за Твоё хорошее письмо, - читал его с удовольствием, тем более, что здоровье Твоё и мамино настраивается. Здесь был Позднеев (из Пекина) с ним я послал маме и Лиле (сердитой) по брошке. Маме чёрная, Лиле серая; их передаст Вера Конст. Голстунская. Карточку я думал послать Вам и один любитель уже снимал меня, но не вышло, а заказать тут здорово дорого – так дюжина кабин. карт. 100 фр. Правда не дорого стоит чёрная брошка? – всего 18 фр. Неужели Влад Степ. писал мне? – я ничего не получил. Поклонись ему; скажи, на днях напишу.

Работаю я много, так что на днях должен был устроить передышку и дня три толкался по городу, а то голова даже начала болеть. И рисую и пишу и сочиняю и большие вещи и малые.

Напрасно Лиля беспокоится о полемике: - полемика эта меня вовсе не трогает, тем более, что письмо Дягилева неумное. Поклонись Лоренцу; рисуй у него, это хорошо. Но не приучайся затачивать рисунки тушёвкой; главное смотри за верностью контура и постановки. Когда наберётся несколько рисунков, покажи их Зарубину, он скажет что нужно.

Посылаю Тебе рисуночек одного угла мастерской; другой раз пошлю ещё другой угол. Она у меня немного косоугольная, так это острый угол.

Поцелуй всех, а маму покрепче. Лиле скажи, что на сердитых воду возят и пиши мне, Голубчик, почаще. Как ученье? Какова цензура? Бывают ли Бергман и Заболотский? Что слышно по поводу писем моего и Дягилевского. Н.Р.
Здесь погода прекрасная, тёплая и солнечная.

Отдел рукописей ГТГ. 44/141. 2 л.

29 Декабря с.с. 1900 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

29 Декабря с/с 1900 г.

Дорогая моя Ладушка!

Сейчас получил письмо Твоё. Странно, почему Ты говоришь только о грубости и не можешь представить себе ничего другого, т. е. того, как было на самом деле. Отчего Ты ни на минуту не задалась мыслью, что, верно, с человеком что-либо происходит, если он так пишет. А происходило со мною следующее. Уже порядочное время, как я нездоров: болит бок, нервный кашель и общий упадок, и попробуй себе представить, как на меня могли действовать Твои лаконические записки, с извещением о радости от выслушивания объяснений в любви. Если только Ты в состоянии представить, какое впечатление можешь производить на человека, почти выброшенного за общественный борт, большого, сомневающегося — такие известия, то не удивишься такому письму моему. Ведь 3 месяца жду я хоть доброй строчки от Тебя, а Тебе за ба-лами всё некогда. Хоть бы строчку сердечную! Хоть бы слово!

Я замечаю, что всё моё и здоровье, и дела, и мысли Тебя нисколько не интересуют, — мало того, даже не существуют для Тебя, ибо ни разу Ты ни о чём не заикнулась. Когда я обратился к Тебе с просьбой жизненной важности и очень легко для Тебя выполнимой — Ты холодно отказалась. Ты обижаешься за не посылку визитной карточки (хотя я послал 27 Декабря с/с) и не хочешь задуматься: да здоров ли он. Ведь заболею я чем-либо опасным, разве Ты приехала бы посмотреть за мною? — нет, (как же покинуть милые выезды). Может быть, Ты и это письмо назовешь грубым и не захочешь заметить в нём ни боли, ни слёз, ни ужаса от произнесения вслух подобных вещей. Человек, которому думаешь отдать жизнь, вдруг говорит о посылке карточки — это истинно ужасно! Неужели в Тебе нет ко мне ничего теплого? Неужели когда Щукин, Онегин и прочие видящие меня, говорят: «что это с вами, вы, пожалуй, скоро у нас на нет сойдёте», тогда Ты будешь говорить о визитных карточках. Почему Ты просила больше ничего не посылать Тебе? — разве Ты не поняла, как обидела меня такую просьбою? Уж если на то пошло, то это даже не деликатно.

Неужели только в смерти, в самом деле, покой и счастье. Когда полон самых тяжких жизненных вопросов, тогда разговор о карточках — жесток. Значит, только посылай я Тебе шаблонные деликатные письма (с французскими фразами), и всё было бы хорошо, а до моего внутреннего состояния Тебе нет никакого дела? Если Ты будешь приходить в восторг от объяснений в любви, то я должен только аплодировать? Смилуйся Ладушка! Земно кланяюсь и слёзно молю, будь интеллигентной и умной. Как Ты не можешь понять, что если бы я истинно не любил Тебя, то относился бы к Тебе гораздо легче. А я ведь люблю Тебя, очень, ужасно люблю. И хочу и Твоей любви, а 2 месяца, как вместо тёплого хлеба Ты мне посылаешь булжники. Хоть чем-нибудь докажи, что я Тебе ещё дорог. Ближе о себе и моих делах не пишу; боюсь наскучить Тебе. Поцелуй Екатерину Васильевну.

Н. Р.

Из письма Твоего видно, что теперь Тебе лучше, так ли это? Извести сейчас же.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/167, 3 л.

ИЗВЕСТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. 1901. № 1.:

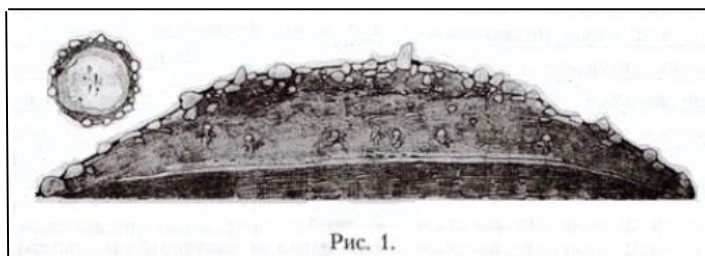
Н. К. Рерих

К древностям Валдайским и Водским (Раскопки 1900 года)

С 1899 года, как известно, Императорское Русское археологическое общество предприняло ряд повременных исследований в пределах Псковской и Новгородской губерний с целью выяснения типов славянского погребения. Разыскания этого года сосредоточились в Старорусском уезде Новгородской губернии и в Порховском уезде Псковской; в 1900 году были произведены раскопки в Псковском и Опочецком уездах Псковской губернии, так что ближайшими областями, подлежащими исследованию, являются теперь уезды Боровичский (древний Бежецкий уезд) Новгородской губернии и Вышневолоцкий Тверской губернии. Таким образом, нижеописанная раскопка

в Валдайском уезде — промежуточном между означенными уездами и, кстати заметить, также неполно исследованном — по месту и (как оказалось) по результатам является очень целесообразной для дальнейших работ Общества в Новгородской губернии. Предметом раскопки в Валдайском уезде были: могильник, исследованный мною по предложению Императорской Археологической комиссии и при ближайшем участии и содействии герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского, и 4 кургана на земле имения Котово, в местности бывших раскопок слушателей Археологического института, произведённых на земле господина Рогачёва в урочище «Осиновый Рог».

Могильник, раскопанный по предложению герцога Лейхтенбергского, расположен в 10 верстах от станции Окуловка на берегу озера, смежного с имением герцога Горы. Урочище, где находится могильник, носит название «Воскресенский Нос»; это название производится от будто бы стоявшего на том месте монастыря, уничтоженного в «Литовское разоренье». (Это определение усвоено по всей округности памятникам, как курганным, так и могильным, более или менее значительной древности, ибо, как мне приходилось замечать, новейшие жалники приписываются «забыдущим родителям», староверам, но не «Литовскому разоренью».)

Воскресенский могильник представляет холм (см. рис. 1), расположенный в расстоянии сотни шагов от озера, которое, судя по прежнему высокому берегу, в настоящее время значительно отступило от прежней границы. Форма холма расплывчатая, слегка возвышенная в южной его стороне. Высота холма $3\frac{1}{2}$ арш., через вершину 26 арш. Весь холм зарос плотным кустарником и деревьями, пронизавшими корнями всю возвышенность и много затруднявшими работу. Вся поверхность холма усеяна камнями разной величины и формы, иногда глубоко запавшими в землю. Часто плоские валуны и плиты поставлены стоймя; на одной лежавшей плите, на её исподней части был усмотрен намёк на осьмиугольный выбитый крест, оказавшийся на внутренней части плиты, вероятно, вследствие её падения. Камни, занимающие поверхность холма, лежат в полном беспорядке, не образуя никаких очевидных фигур, и некоторую симметрию можно видеть лишь в основании холма, обложенном местами прерывающимися, но всё же правильным рядом крупных валунов. Величина валунов на поверхности холма иногда достигает очень крупных размеров и при работе требовала усилий 6-8 человек.

При раскопке оказалось, что камни на поверхности лежат не в один ряд, а местами в два и даже в три слоя; иногда нижний слой камня лежал почти непосредственно на костяках. Под дёрном около вершины холма был найден выбитый из красноватого песчаника крест (см. рис. 2) величиною $\frac{3}{4}$ арш. Под верхним слоем камня обнаруживалось много золы и угля, а также, особенно под крупнейшими валунами, черепки горшков, сделанных на круге, неорнаментированных, без следов огня.

На глубине $\frac{3}{4}$ - $1\frac{1}{4}$ арш. от поверхности холма оказался целый слой костяков (всего числом более 30), часто почти соприкасавшихся друг с другом. Кость - жёлтая, хорошей сохранности. Направление костяков — с востока на запад, лицом на восток. Положение — лежачее, руки вытянуты вдоль или прикасаются к тазу. Около костей многочисленные вкрапления угля, а также черепки горшков (таких же, как под верхними камнями), помещённых преимущественно около черепа. Конечно, об отыскании формы и величины отдельных могил нечего было и думать, так как весь грунт холма — рыхлый песок. При костях не оказалось никаких вещей.

При дальнейшей работе было замечено, что песок под костяками не материковый, а имеет характер насыпной и содержит уголь и зольные прослойки, и раскопка, продолженная вглубь, дала на глубине $2\frac{1}{2}$ - $2\frac{3}{4}$ арш. новый слой костяков. Относительно зольных прослоек следует заметить, что, быть может, первоначально они и имели какую-нибудь систему, но впускными погребениями были совершенно перемешаны и сбиты.

Второй слой костяков, меньший по общему числу их, — всего открыто 13 погребений в разных частях насыпи — был сравнительно с первым худшей сохранности; кость хрупкая, сероватая. Черепа с ясным долихоцефализмом. Положение костяков сидячее, лицом на юг, т. е. перпендикулярное предыдущим. Под костями золы не найдено, так же как и вещей при костях, кроме нескольких черепков чёрного горшка, оказавшихся при одном погребении.

Почти непосредственно под вторым слоем костяков, на большем или меньшем расстоянии (ибо глубина погребений не одинакова), начался слой золы и угля толщиной от $2\frac{1}{2}$ вершк., местами, около центра, даже $5\frac{1}{2}$ вершк., т. е. толщины очень редкой. Раскопка обнаружила кострище, простиравшееся на значительную площадь основания насыпи. Среди кострища были обнаружены следы дубовых обгорелых плах, лежавших в направлении от востока к западу, осколок обгорелой берцовой кости какого-то крупного животного и несколько массивных шлаков и сплавов железных, в одном случае как будто со следом меди. Под кострищем идёт подстилка толщиной от 2 до 3 вершков из чистого белого песка, площадью почти во весь холм. Под песочной подстилкой лежит плотный красноватый песок — грунт.

Итак, общая картина Воскресенского могильника получается следующая. Небольшое естественное возвышение приготовлено для какого-то огромного сожжения. Возвышение усыпано ровным слоем белого песка. Самосожжение, совершённое на возвышении, как сказано, должно было быть весьма значительно, ибо оставить от 3 до $5\frac{1}{2}$ вершков золы на широком пространстве мог только большой огонь, истребивший огромную массу материала. Над этим сожжением возводится насыпь из жёлтого песка почти в сажень высоту; в насыпи идут какие-то зольные и угольные прослойки. Верх и основание насыпи устанавливаются крупными валунами почти сплошь. (Следует заметить, что большинство верхних камней носят следы сильного огня, от которого легко рассыпаются, но неизвестно, чему современен этот обжог, - основному ли кострищу, или верхним углям при черепках.) Эта насыпь над сожжением впоследствии служит местом разновременных впускных погребений, сперва сидячих на глубине $2\frac{1}{2}$ арш., а затем многочисленных погребений лежащих на глубине 1 арш. Малая глубина верхних погребений заставляет относить их к допетровскому времени, в которое начались более глубокие погребения. Верхняя каменная обкладка подвергалась перестановке, вероятно, не раз и потому дошла до нас в столь бесформенном виде.

Последовательность времени погребений Воскресенского могильника можно расположить, без большой ошибки, по следующим периодам: основное сожжение - X век; глубокие погребения с сидячим положением костяков - XII-XIII вв.; и, наконец, верхние мелкие погребения с лежащими костяками - XV в., а также начала XVI в. Располагая погребения по этим периодам, всё же трудно решить, к какому именно роду древностей следует приписать Воскресенский могильник, т. е. относить ли его к жальникам или к виду курганных погребений. В пределах окрестных уездов известны и жальники с сидячим положением и приблизительно такую же сохранность кости (Солоницко Старорусского уезда), и также курганы, содержавшие многотрупное погребение на возвышении: в селе Любитове Порховского уезда в кургане, в нижнем слое насыпи, найдены 4 костяка в сидячем положении и над ними один костяк лежащий (очень мелко погребённый); направление верхнего и нижних костяков было взаимно перпендикулярное; при костяках вещей никаких не найдено; как видно, получается хотя и сильно уменьшенная, но почти полная копия теперешнего Воскресенского могильника (за исключением нижнего сожжения). Таким образом, если рассматривать Воскресенский могильник как курганный погребение (в отношении двух верхних слоев погребений), то он может уяснить одну местную археологическую особенность, а именно, отсутствие в окрестностях обычных курганов средней величины, содержащих лежащее или сидячее погребение на материке или на возвышении. Вместе с тем Воскресенский могильник заставит обратить особое внимание на раскопку и прочих жальников Валдайского и Боровичского уездов и не ограничиваться раскопкой лишь верхней части жальников, расположенных всегда по буграм и возвышенностям, ибо эти бугры могут быть, как видно, и не природного происхождения. В заключение о Воскресенском могильнике надо отметить крупную каменную обкладку основания, редкую по ближайшей окрестности.

Недалеко от Воскресенского могильника на том же берегу озера расположен небольшой жальник. Могилы представляют продолговатые, с направлением с востока на запад, отдельные друг от друга клетки, уставленные небольшими валунами. Раскопка обнаружила в 1 $\frac{3}{4}$ -2-аршинных могилах лежащие костяки очень хорошей сохранности, головою на запад, со скрещенными на груди руками. Ввиду небольшой древности этих могил и отсутствия находок, дальнейшая работа была прекращена; всего было вскрыто 5 погребений.

В той же местности (в 4 верстах от «Воскресенского Носа») мне были указаны два небольших кургана, расположенных недалеко от лесного озера. Высота курганов — 1 $\frac{1}{2}$ арш., форма расплывчатая, без камней в основании. Оба кургана уже были раскопаны, но всё же я попробовал прорезать один из них, замечая, что он подвергся неполной раскопке. На уровне материка оказалось кострище, во всю площадь основания насыпи на кострище лежали не тронутые прежней раскопкой кости ног, но остальные кости были уже сбиты и перемешаны, хотя, судя по центральному положению ножных костей, первоначальное положение костяка легко могло быть сидячее.

В общем интересно отметить, что в Валдайском крае курганы с сидячим или лежащим на материке погребением встречаются особенно редко, оставляя основной тип различным сожжениям, так что описанные мною в прошлогоднем отчёте курганы при Глубочице в местности Болотова являются необычным для района типом*. К курганам с сожжением относятся раскопанные мною в 12 верстах от Болотова на земле имения Котово 4 кургана. Курганы расположены попарно недалеко от берега озера; окрестность — высокая, песчаная, покрытая мелким редким сосняком и лишаями. Камни в устройстве курганов совершенно отсутствуют; форма насыпей — конусообразная, для рыхлого песчаного грунта очень хорошо сохранившаяся. Высота насыпей: большей — 3 $\frac{1}{4}$ арш., меньшей — 2 $\frac{1}{2}$ арш. (по окружности 52 арш. — 41 арш.). Обряд погребения в этих курганах — полное сожжение на возвышении. В большем кургане возвышение достигло до 1 арш. высоты, в меньших не превышало $\frac{1}{2}$ аршина.

В верхних частях насыпи найдено по одной или по две небольших угольных прослойки. Ни костей, ни предметов не найдено.

Белый песок в основании Воскресенского могильника просится на близкое сопоставление с курганами Санкт-Петербургской губернии, исследованными слушателем и членами Археологического института весной 1900 года.

Чтобы придать этой экскурсии специально научный интерес (кроме опытного, раскопчного), для экскурсии была выбрана местность в окрестности села Гостилицы Петергофского уезда. В намеченных курганных группах хотя и были уже ранее произведены раскопки Л. К. Ивановским, но дневники раскопок (частью утерянные) не объясняли ни подробного строения курганов, ни их характерных отличий, а между тем таких интересных подробностей нашлось (для сравнительно небольшого числа исследованных насыпей) немало.

Я не буду касаться подробно этой раскопки в ряду прочих работ в Санкт-Петербургской губернии, так как о положении этих работ приходилось писать уже не раз, и кроме того, дневники раскопки будут подробно обработаны господами членами Археологического института. (Отчёт экскурсии имеет появиться в ближайшем выпуске «Вестника института»).

Здесь я укажу лишь некоторые интересные детали, которые ещё раз доказывают, насколько условно понятие о «достаточно исследованной» местности. Из исследованных курганов прежде всего интересны два погребения, расположенные далеко в стороне от прочих групп. В этих насыпях, при наличности всех старых погребальных элементов, всё же чувствуется какая-то их новая комбинация. Устройство и содержание этих насыпей следующее. В первом случае встречено погребение на возвышении в 1 арш. при общей насыпи в 2 арш. На возвышении оказываются две подстилки: 1) подстилка из белого песка (про который, кстати, копальщики заметили, что такого цвета песок находится верстах в 3 от курганов на материке или же у Петергофа в море); 2) подстилка зольная (вероятно, не кострище) толщиной до 2 вершков. На зольной подстилке помещается сидячий костяк (сильно истлевший), лицом обращенный на северо-восток. При костяке найдены предметы: пряжка, кольцо, нож железный, кусочек ткани с приставшим осколком бронзы, серебряная бляшка (на правой руке) и сломанная серебряная монета г. Наумбурга XI в. В верхней части насыпи находится небольшая зольная прослойка. Второй курган, при насыпи высотой также в 2 арш. (но более расплывчатой формы), содержал погребение также сидячее, в том же направлении, но не на возвышении, а на материке. Под костями — слой золы и белого песка. Кости (плохой сохранности) иногда носили слабую окраску бронзы, но сами предметы уже исчезли. Среди золы в области ступней найдена серебряная монета епископа Кёльнского Пилигрима, XI века. Как в первом, так и во втором случае камней в насыпях или в основаниях их вовсе не оказалось; это в окрестности редкая особенность и объясняется, во всяком случае, не отсутствием камня, который на окрестных полях находится в обилии. И обособленное местонахождение этих курганов, и отсутствие каменного кольца основания, и непременно нахождение монет — всё это заслуживает отметки и внимания. В следующей исследованной курганной группе, а именно около деревни Дятлицы (в 5 верстах от Гостилиц), необходимо отметить факт необычайного разнообразия устройства насыпей. Остаётся только пожалеть, что большая часть 1-й Дятлицкой группы уже исследована Л. К. Ивановским и дневники его слишком незначительны, ибо первоначально картина разнообразия насыпей этой группы, несомненно, была гораздо полнее.

Из сравнительно небольшого числа погребений, раскопанных в 1-й Дятлицкой группе (всего их раскопано там 14), 11 курганов дают характерные отличия. *Насыпи* отличались следующими особенностями:

- I. Обложенное ровным кольцом валунов сидячее погребение, обращённое лицом на восток, с опорой позади костяка (большой валун). Около таза с левой стороны кучка золы.

- II. Погребение на толстом кострище на возвышении высотой в $\frac{3}{4}$ арш. Костяк лежит головою на юго-запад. Около левого бедра серп. Курган обложен крупными булыжниками; на глубине 6-7 вершков от поверхности насыпи общий сводик из мелких валунов.
- III. Погребение без кострища в лежащем положении головою на запад. У правой ноги железный топорик. В массе насыпи в различных местах встречаются маленькие прослойки и вкрапины золы и угля. На глубине $\frac{3}{4}$ арш. от вершины много камней, не образующих правильного свода.
- IV. Сидячее погребение, обращенное лицом на восток, на материке. Золы не встречено. Снаружи весь курган сплошь выложен булыжником. Находки: браслет, височное кольцо и бубенчики древнего типа.
- V. Расплывчатый курган высотой 1 $\frac{1}{2}$ арш. По окружности 4 больших валуна, приблизительно по странам света. На материке костяк в сидячем положении. Находки: нож железный, два перстня древнего типа и широкий браслет финского характера.
- VI. Высота 1 арш. Весь курган сплошь выложен каменным сводом. На материке рядом 3 костяка, лежащих головами на юго-запад. В области черепов значительная кучка золы. Находка: 2 браслета.
- VII. Лежачее погребение на материке. Череп лежит на земляном возвышении лицом на восток. Золы и дерева вовсе не найдено. Основание кургана обложено ровными булыжниками. Находки: литой браслет, 2 бусины (одна - чёрная стеклянная, вторая - голубая смальтовая).
- VIII. Лежачее погребение на материке головою на запад. Костяк покрыт доскою (ширина её 10 вершков, толщина $\frac{3}{4}$ вер., длина 1 арш. 12 вер.). Интересно наблюдать влияние деревянного покрытия на сохранность кости: кость вне покрытия исчезла совершенно, тогда как под покрытием сохранилась удовлетворительно. Под костяками подстилка из белого песка толщиной в 3 вершка. Золы не найдено.
- IX. Лежачее погребение на материке, обращенное лицом на восток. Под костями несколько кучек углей. Правая рука костяка закинута за череп.
- X. Лежачее погребение на материке. Высота насыпи 2 арш. Вокруг насыпи каменное кольцо. В разных частях насыпи вкрапины золы и угля. Под костяком кострище. Находки: топор (у правого бедра) и пряжка.
- XI. На глубине 2 $\frac{1}{2}$ арш. на материке лежащий костяк на зольной подстилке. Погребение в ясно выраженной колоде, но без покрытия. Находка: браслет (на правой руке).

Таково разнообразие устройства дятлицких погребений; объясняя это разнообразие прежде всего разновременностью насыпей, нельзя не допустить ещё и другой догадки, а именно: на разнообразии погребений, свидетельствующее как бы о не установившемся, колеблющемся погребальном ритуале, не мог ли иметь влияния местный финский состав населения, перенимавшего курганные погребения от соседей славян?

Жаль, что неполные дневники окрестных раскопок не выведут это предположение дальше вероятия.

Известия Археологической комиссии. 1901. Вып.1. С. 60-68.